

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Михаил Кузмин

Литературная судьба
и художественная среда

*Под редакцией
П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова*

Санкт-Петербург
Издательство «Реноме»
2015

Я не говорю о тоске, о скуке, которой кончается поэма Кузмина «Новый Ролла».

И вот без шума и без стука
Скок на порог подруга-скука.
В лицо пылливо заглянула:
Не ждя в ответ
Ни «да», ни «нет»,
В приют привычный проскользнула.
(«Новый Ролла»)

Я говорю о тех призрачных, бесплотных, белых фигурах, которые иногда появляются на страницах прозы М. Кузмина. Они безусловно существуют, так ясно и живо описывает их поэт, но существуют странным, непонятым, быть может, и для самого автора, существованием. Это призрак, появившийся Калпостро («Новое жизнеописание великих людей»^{*}), это гр. Толстой, мечтатель с двумя борзыми («Мечтатели»), наконец это какие-то, как будто белые пирамиды прозрачного света, тихо озаряющие на первый взгляд вполне конкретные и обыкновенные интерьеры М. Кузмина.

Что это, откуда это, об этом не знает еще поэт, во всяком случае не сказал еще нам. Но, мне кажется, это есть именно то истинное проникновение поэтов, не надуманное, не символическое, сквозящее ткани повседневного, сквозь реальное, которое было свойственно сказочнику Гофману, которым обладает в настоящее время А. Франс и В. Хлебников.

Это, пожалуй, есть задача нашего века, к ней стремятся так или иначе все современные поэты, вышедшие на путь реализма.

Самое подходящее название для этого будет, как мне кажется, «романтизм сквозь призму реального».

Юрий Лозко

* Имеется в виду невыведшая полностью серия «Новый Плутарх».

Некто читает Кузмина

О. А. Лекманов

Концепция «читательской» истории литературы была в последние годы реанимирована в серии работ Р. Д. Тименчика, проследившего эволюцию восприятия стихотворений Николая Гумилева и самой его поэтической личности в советской и эмигрантской читательской среде¹. Упомяну здесь и о собственной короткой заметке, в которой перечисляются и классифицируются пометы некоего дореволюционного читателя на первом издании книги стихов Константина Бальмонта «Будем как Солнце»².

Цель моей работы отчасти сходная — проанализировать читательские пометы на втором издании романа Михаила Кузмина «Плавающие путешественные». Оно было по случаю приобретено в одном из петербургских букинистических магазинов в начале двухтысячных годов. Помет на книге довольно много, что было, по-видимому, спровоцировано как бы приглашающим читателя к сотворчеству пустыми, не заполненными словами строками, маркирующими фрагменты романа, не пропущенные цензурой. В эти пустоты наш читатель и вписал часть своих «дополнений» к тексту Кузмина. Отыскиваются, впрочем, в книге и вполне традиционные пометы на полях, а также поверх строк и под строками.

¹ Тименчик Р. Д. 1) Азы и узы комментария // The Real Life of Pierre Belinande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Bulkin. Pt. 1. Stanford, 2007; 2) Посмертные скандалы Николая Гумилева // Символика скандала. Париж; М., 2008; 3) Читатели Гумилева // Natale grate pluviosas? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008.

² Лекманов О. А. Пометы неизвестного на книге К. Бальмонта «Будем как солнце»: к построению читательской истории литературы // Пермский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 494–498.

В отличие от ненавистника декадентов — (упомянутого мною чуть выше) читателя книги стихов Бальмонта «Будем как Солнце», живший в пореволюционную эпоху читатель «Плавающих путешественников», без сомнения, ощущал себя абсолютным единомышленником Кузмина. Более того, брезгливое и презрительное отношение к женщинам, которое в кузминском романе часто иронически мерцает, но почти никогда прямо не высказывается, в пометах неизвестного читателя проявляется не просто отчетливо, а с несколько даже комическим нажимом.

Если у Кузмина героиня заявляет: «У меня было пятьдесят шесть любовников» (с. 20)³, то наш читатель исправляет на: «У меня было двести любовников». К кузминской фразе: «...и схватив Лелечку за обе руки, начала восторженно» (с. 30) прибавляется: «с привычкой заправской сводницы» (с. 30). Сходным образом продолжен еще один фрагмент романа. К реплике: «— Ах, милая, я вас так понимаю! — воскликнула гостя и снова принялась тискать хозяйку в объятьях» (с. 38) прибавлено: «как профессиональная сводница, содержательница притона свиданий, завербовывая для своего заведения подходящий "товар"». Реплику: «Притом она — не свободна, она замужем» (с. 45) наш читатель, не мудрствуя лукаво, просто выворачивает наизнанку: «Притом она свободна, потому что замужем». К предложению: «Она помнила только, что накануне обещала Лаврентьеву встретиться с ним в Летнем саду и куда-нибудь поехать» (с. 49) приплюсовано: «пока муж на службе». К описанию: «Лицо последнего выражало влюбленность и недоумение» (с. 50) прибавлено: «Как у всякого влюбленного дурака...». Рядом с предложением: «— Непременно, непременно, — страстно прошептал Лаврентьев: — я не знаю, как доживу до послезавтра» (с. 54) на полях сделана сочувственная пометка: «Бедняга!». В один из цензурных пробелов вписано следующее суждение нашего читателя о женщинах: «...есть ли у них вообще понятие о "чести", а о целомудрии тем более. Эту заботу они оставляют доверчивым мужьям» (с. 64). Слова: «Лаврик потребовал от нее более осязательных доказательств любви» (с. 73) дополняются сентенцией: «В общем природа женщины подсказала ей, что она может отдалиться и по обязанности жены и за деньги, и за первое ласковое, хотя бы и фальшивое слово, пожатие руки, а то и просто "так"». К обидчивой фразе героини:

³ Здесь и далее роман цитируется по изд.: Кузмин М. Собр. соч. Т. VI. Пг., [В. г.].

«— вы кажется хотите, чтобы я стала официально вашей любовницей!» (с. 81) прибавлено легкомысленное: «неофициально можно валяться на чужой кровати сколько влезет». Ее же утверждение: «С меня совершенно достаточно того мужа, который у меня есть» (с. 84) сопровождается на полях «недоверчивыми» знаками препинания: «?!» К замечанию героя: «И потом... я не имею права судить Елену Александровну» (с. 95) приписывается горестное: «Колпак!». Наконец, фраза героини: «Я — лживое создание, как все женщины!» (с. 213) сопровождается торжествующим: «Сама признала! Совершенно верно!».

Читатель «Плавающих путешественников» пользуется любым удобным случаем, чтобы противопоставить отвратительному «женскому» прекрасное «мужское». Проследим, например, как им «редактируется» следующий фрагмент романа: «Елена Александровна оказалась неистощимой в изобретении намеков, иронии, издевательств и, просто, придириков, иногда достаточно грубых, но всегда оказывавших должествующее действие на более непосредственного, а может быть, более ленивого и влюбленного по уши Леонида Львовича» (с. 145). В целях достижения прекрасной ясности наш читатель вставляет в зачин этого фрагмента уточняющую микроконструкцию: «Елена Александровна, как женщина, оказалась способной...», а весь фрагмент сопровождает глубокомысленным примечанием: «Мужчина в таких случаях способен крепко молчать... до времени».

Очень часто читатель «Плавающих путешественников» спешит простодушно договорить за автора мысль, на которую тот лишь тонко (или не очень тонко) намекает. Так, ознакомившись с внутренним монологом героини: «А занятно, как бы это лицо изменилось, если бы Лелечка согласилась, захотела бы? Больше всего он похож на щенка легавого» (с. 54), читатель переправляет точку на запятую и очень грубо, но логично развивает кузминскую образность: «...в первый раз ухаживающего за сукой».

Что у Кузмина на уме, то у его читателя на языке. Сделав этот вывод, можно было бы и остановиться, если бы не одно интересное обстоятельство, неожиданно сближающее ненавистника Бальмонта (читателя книги «Будем как Солнце») и обожателя Кузмина (читателя романа «Плавающие путешественники»): оба они активно пытались исправлять стилистические «погрешности» своих авторов, опираясь на нормы современного им русского языка.

Напомним, что читатель Бальмонта в знаменитой строке «Вот, полунизломаны, лежите вы в пыли» из стихотворения

«Придорожные травы» «полуизломаны» исправляет на «полуизмятые». В строках «И от цветка иди к другому, / Всем — сердце расскажу» из стихотворения «Влюбленные» он «расскажу» переправляет на «покажу». В строках «Дрожит любовь ко мгле — у ног твоих, / Ко мгле и тьме, нежней, чем ласки света» из стихотворения «У ног твоих я понял в первый раз...» он «ко мгле» дважды переправляет на «Во мгле». А в строке «Сознание, что Время упало и не встанет» из стихотворения «Слепец» глагол «упало» читатель Бальмонта заменяет на «ушло».

Читатель романа «Плавающие путешественники» неодобрительно подчеркивает эпитет «ажитированным» в словосочетании «ажитированным шепотом» (с. 37). Кузминское слово «сан-фасонщик» он сопровождает знаками «?!» (с. 145). Знак вопроса наш читатель поставил и возле слова «треххании» во фрагменте: «а о вздорном треххании Полины смешно было и вспоминать» (с. 215).

Куда более любопытными представляются достаточно многочисленные примеры пуристских стилистических правок читателем «Плавающих путешественников» тех мест романа, которые как раз и позволяют исследователям говорить о неповторимом своеобразии прозы Кузмина.

Приведем несколько примеров. Кузминскую характеристику: «Лаврик был мальчиком живым, беспечным, веселым, и ничего не хотел делать» (с. 9) наш читатель заменяет на: «Лаврик был мальчик живой, беспечный, веселый, ничего не хотел делать». В предложении: «Винючник беспокойств этой дамы молча и капризно пил кофе» (с. 9) вычеркивается слово «капризно» (логика: можно ли пить кофе «капризно»?) Кузминское: «...крайне молодым человеком» (с. 10) заменяется на: «...очень молодым человеком». Кузминское: «...сделался розовее розовой обивки кресла» (с. 11) — на: «...сделался ярче розовой обивки кресла». Фраза: «И Лаврик ринулся бегать по комнате» (с. 11) заменяется стилистически более гладкой: «И Лаврик начал бегать по комнате». В предложении: «Там не было никаких доказательств тревоги» (с. 240) слово «доказательств» заменяется на «заметных признаков». В микрофрагменте: «...они только что приняли веселую и радостную ванну» (с. 248) эпитет «веселую» заменен на «освежающую» (логика: может ли быть ванна «веселой»?); В предложении: «...Елена Александровна не совсем знавшая, как себя держать, но тоже как-то примиренная и устроенная, и ждала с минуты на минуту, что сейчас спустится Леонид, тоже с отблеском бодрого

и стройного письма» (с. 248), характеристика «устроенная» (Елена Александровна) превращается в «успокоенную», а «стройного письма» — в «спокойного».

Изрядное упорство пришлось проявить добровольному редактору «Плавающих путешественников», работая со следующим фрагментом романа: «...словно густой облак опустился на затопы. Он мешал громко и весело разговаривать, затруднял дыхание, и даже казалось делал недоступным взгляду весь пейзаж» (с. 240). Переправление нашим читателем экзотического, хотя и встречавшегося иногда в русской поэзии XVIII–XIX веков, существительного «облак» на привычное всем «облако» потребовало от него дальнейшего исправления всех глаголов прошедшего времени, к этому существительному относящихся. Глагол «мешал» был заменен на «мешало», «затруднял» на «затрудняло», а «делал» на «делало».

Возвращаясь в заключение этого сообщения к самому его началу, отмечу, что взгляд на текст глазами читателя в некоторых случаях позволяет не только проследить за эволюцией восприятия творчества того или иного автора, но и выделяет для исследователя своеобразным курсивом существенные особенности стилистической манеры этого автора.

Александр Александрович **Ковзун**, кандидат филологических наук, член Ассоциации искусствоведов (Владимир).

Олег Анатольевич **Коростелёв**, историк литературы, библиограф, кандидат филологических наук. Заведующий отделом «Литературное наследие» ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

Елена Леонидовна **Куранда**, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).

Константин Юрьевич **Лаппо-Данилевский**, Dr. habil., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Олег Андершанович **Лекманов**, доктор филологических наук, профессор школы филологии гуманитарного факультета НИУ «Высшая школа экономики» (Москва).

Сергей Евгеньевич **Ляпин**, стиховед, сотрудник ИРЯ РАН (Санкт-Петербург).

Владислав Владимирович **Николаенко**, кандидат филологических наук (Москва).

Татьяна Львовна **Никольская**, историк литературы, с середины 1970-х гг. занимается русско-грузинскими литературными связями первой трети XX в., специалист по истории русского и грузинского литературного авангарда. Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Юрий Борисович **Орлицкий**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории РГГУ (Москва).

Лада Геннадьевна **Панова**, кандидат филологических наук, автор двух монографий, «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама (2003) и «Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина» (2006), и семи десятков статей по литературоведению, поэтике и лингвистической семантике; редактор-составитель двуязычного сборника «The Many Facets of Mikhail Kuzmin / Кузмин многогранный» (2011).

Игорь Алексеевич **Пильщиков**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Таллинского университета.

Надежда Владимировна **Плунгян**, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания (Москва).

Александр Львович **Соболев**, историк литературы, библиограф (Москва).

Жорж **Шерон**, доктор филологии (США).

Сергей Викторович **Шумихин** (1953–2014), кандидат исторических наук, архивист, в 1983–2000 гг. — научный сотрудник РГАЛИ (ЦГАЛИ СССР).